

А. Е. БОВИН

XX век как жизнь. Воспоминания

После Хельсинки стали плавно вползать в подготовку XXV съезда КПСС.

В январе 1976 года началась проходка и притирка готовых кусков в Завидове¹. Там произошли большие перемены. Функционировали бассейн и сауна. Леонида Ильича переселили в отдельный домик, соединенный с главным помещением закрытым переходом. Невдалеке построили домик для иностранных гостей. Поскольку его строили под Киссинджера, то закрепилось название «кискин дом».

Из записных книжек того времени:

«С Л. И. стало трудно работать. Очень изменился. Разговоры о болезнях. Некоторая величественная отстраненность. Общая атмосфера сидений в Завидове стала тусклой, скучной. Главное — спорить с ним стало трудно. Раздражительность.

Занятия внешней политикой как форма ухода от внутренних проблем. Такое впечатление, что не знает, как к ним подступиться. А мы знаем?

Элементы “культа личности”. Бесперывное славословие. И это нравится. Верит в искренность. Любуется собой.

Общая обстановка в п/б, видимо, довольно напряженная. Нет подлинного взаимодействия, товарищества. Л. И. не чувствует их коллегами. Сложные отношения с премьером. Ревность.

Главное: нет распределения обязанностей, персональной ответственности за дело. Предлагалось — отказались, хотя осуществлять общее руководство. Всё — всем.

Вокруг Л. И. (“двор”) обстановка мелких интриг и подхалимства. Ссоры среди помощников. По существу, “мозгового центра” (даже в ограниченном понимании) нет. Нет желания выслушивать знающих людей, вникать в дело, советоваться. Самоизоляция».

В общем, шел быстрый процесс превращения первого Брежнева во второго. И не только из-за болезни.

Обсуждение текста отчетного доклада шло относительно спокойно. Уже был опыт. Да и генеральный стал менее придирчив. «Ударные места» есть, двигаемся дальше.

Иногда застревали не столько по тексту, сколько по смыслу тех или иных формулировок.

Например. Какова главная задача пятилетки? Пишем: повышение благосостояния людей на базе развития промышленности, сельского хозяйства и т. д. Нет, говорят нам. Не так. А как? Пожалуйста: развитие материально-технической базы, на основе чего будет расти благосостояние людей.

Спор о словах? Ни в коем разе! Спор о приоритетах. Спор о том, ради чего нам нужны заводы и фабрики, колхозы и совхозы. И о том, как подводить итоги: по тоннам стали или нефти или по тому, что лежит на обеденном столе.

Спорили долго. Иногда казалось, что Брежнев склоняется к «потребительскому подходу», к ускоренному росту знаменитой группы «Б» (товары народного потребления). Иногда он снова оказывался в плену традиции (ускоренное развитие группы «А»). В тексте сказано: «Все это, вместе взятое, позволяет оценить девятую пятилетку как значительное продвижение по пути к высшей цели экономической политики партии — росту благосостояния народа». Брежнев комментирует: «Получается, что вся наша экономическая политика только и состоит вроде в том, что мы повышаем благосостояние людей. Внутренняя политика определяет и оборонную мощь страны, и многие другие факторы. А здесь сведено к росту благосостояния народа... Может быть, еще раз подумать?»

Или другой вариант. Рассуждая о необходимости повышения уровня жизни, мы написали: «Здесь проходит главный фронт борьбы за коммунизм». Брежнев сомневается: «Я не могу сказать, что это неправильно, но обращаю внимание, нужно ли нам так говорить. Трудность в том, что никто не дал ясного тезиса или формулы, что такое коммунизм, коммунистическое общество. Тут и идеология, и целый ряд других вещей. Поэтому я очень осторожен в отношении слов: “проходит главный фронт борьбы за коммунизм”. Может быть, сказать по-другому: “Здесь, товарищи, проходит один из решающих участков нашей политики...”».

Конечно же «не хлебом единым...». И в этом всеобщем, всемирном смысле Брежнев прав. Но съезд, политика партии привязаны к конкретным историческим обстоятельствам. Равномерно распределяемая бедность выдвигала проблему «хлеба» на первый план. Брежнев интуитивно чувствовал это, но вряд ли понимал. Иначе не ограничился бы полумерами типа «продовольственной программы».

Что же касается XXV съезда, вышли из положения формулировочным способом. «Высшая цель»: подъем материального и культурного уровня жизни народа. «Основная задача»: повышение благосостояния советских людей. «Стержень стратегии»: нарастание экономической мощи страны. Постепенно группа «А» снижала свой «рейтинг», и все-таки начальство продолжало мыслить тоннами стали или нефти, а не количеством легковых автомобилей или холодильников.

В феврале 1976 года, как раз когда будет работать XXV съезд, исполнится 20 лет со дня XX съезда КПСС. Мы предложили сказать об этом в докладе. Брежнев не возражал. Никто (кроме Ф. Д. Кулакова²) из членов и кандидатов не возражал. Вписали хороший абзац. Абзаца не осталось. Но XX съезд докладчик все-таки упомянул. Формально, по касательной, но упомянул...

Во внеплановом порядке обсуждались ангольские дела. Откликаясь на SOS Агостиньо Нето³, Кастро послал в Анголу экспедиционный корпус (примерно 36 тысяч «штыков» и 300 танков). Москва не инициировала эту акцию. Но и не возражала. Американцы нервничали.

В Завидове шум поднял Арбатов⁴. Он утверждал, что безрассудные действия Кастро подрывают разрядку, осложняют советско-американские отношения. И что надо решительно отмежеваться от Гаваны. Иначе мы можем потерять гораздо больше, чем Ангола. Оппонентом Арбатову выступал Александров. Он упрекал академика в утрате «классового чутья», в забвении «интернационального революционного долга». По телефону в дебаты был вовлечен Андропов. Он не поддержал Арбатова.

Спор вокруг Анголы не изменил нашу позицию. Но он был полезен. В политбюро и вокруг него сложилась такая атмосфера, когда важнейшие решения принимались как-то полупшепотом, под сурдинку, без четкого и ясного сопоставления и сравнения позиций. И Брежневу было не вредно узнать, что существуют весомые аргументы против ангольской авантюры Кастро. И что есть люди, готовые изложить эти аргументы.

Разумеется, время, когда он менял «боровую дичь» на «конфронтацию», ушло далеко в прошлое. Теперь Брежнев был в курсе основных внешнеполитических проблем. Однако иногда обнаруживались странные провалы, которые приходилось устранять на ходу. Вдруг он спрашивает: что там за палестинское государство такое? Откуда оно взялось? Или просит растолковать причины кипрского конфликта. Не стеснялся не знать — и то хорошо.

В Завидове мы все ходили в разных вариантах спортивных костюмов. И вдруг Брежнев таким гоголем выходит ужинать

в мундире генерала армии. И смотрит на нас — каково?! Челядь выражает полный восторг. Шеф доволен...

К сожалению, доволен... Способность посмотреть на себя со стороны, противостоять лести и раньше не была самой сильной стороной Брежнева. Теперь она и вовсе сходит на нет. Славословие приобретает гипертрофированные формы. Даю картинку.

Сентябрь 1976 года. Подгорный вручает Андрею Павловичу Кириленко орден Ленина и вторую медаль «Серп и Молот» Героя Социалистического Труда. Брежнев стоит рядом. Послушаем избранные места из благодарственной речи дважды Героя:

«Дорогой Леонид Ильич, я по праву юбиляра-именинника прежде всего хочу сказать, что я беспредельно счастлив, что в этот радостный и незабываемый для меня день ты, Леонид Ильич, вместе с нами — твоими друзьями, которые вот уже второе десятилетие плодотворно работают под твоим мудрым руководством...

За это время ты, как никто, так высоко поднял величие нашей Родины и ее народов и так мудро изменил развитие мира в сторону разрядки и утверждения прочного мира на земле, за что ты, Леонид Ильич, законно снискал глубокую любовь миллионов людей нашей планеты.

Дорогой Леонид Ильич, всем известно, что к твоей неутомимой деятельности ныне приковано внимание всего мира, и в мире все хорошо знают, как много ты сделал и делаешь для нашей Родины и всего человечества.

В нашей стране и зарубежные друзья говорят и пишут, что в словах Леонида Ильича бьет ключом оптимизм, уверенность в будущих успехах мира и что искренность этого подкрепляется все новыми и новыми инициативами и практическими делами.

Наша партия и народ с большой законной гордостью высоко оценивают твой благородный труд и с большой преданностью поддерживают все твои инициативы и идеи.

Партия и народ любят тебя, Леонид Ильич. Любят за твою человечность и сердечность, за твою мудрость и безграничную преданность ленинизму.

Весь твой жизненный путь, твоя мудрость и талант дали тебе возможность собрать, впитать в себя такие драгоценные качества партийного и государственного деятеля, которые присущи только великому человеку нашего времени, вождю нашей партии и всех народов нашей Отчизны.

Леонид Ильич, все мы рады, что ты такой, и все мы желаем тебе, наш дорогой друг, крепкого здоровья и быть таким еще многие и многие годы на радость и счастье людей труда».

Можно просто написать: по comments. Но можно и прокомментировать, тоже просто: ни стыда ни совести! Ведь все понимали, что к чему. Даже, наверное, «дорогой Леонид Ильич» не верил всему, что слышал. Но всех устраивал очередной «культ» — он позволял всем оставаться у власти.

Из Завидова перебрались в Волыньское-2⁵. Там учитывали замечания членов и кандидатов. В это же время разыгрывались сценки вокруг кресла главного редактора «Известий». Кто-то назвал Брежневу мою кандидатуру. И получил ответ: «У меня на Бовина другие планы». Когда мне рассказали об этом, я не был в курсе других планов. Хотя, когда меня избрали делегатом съезда, настояжился. И не зря. Еще до съезда Леонид Ильич предложил мне вернуться в аппарат. Предложил или помощником, или обратно в отдел замзамом. Я понимал, что отказываться трудно. Но соглашаться уж совсем не хотелось. Я уже хлебнул воздух журналистской «свободы», пусть в кавычках, но все же... А видеть каждый день Александрова или Рахманина — это было выше моих сил. И я решил схулиганить. Радостно и нахально улыбаясь — перед нами, но ближе ко мне стояла бутылка — я выдвинул свою кандидатуру на пост заведующего отделом. В ответ мне напомнили разговор после XXIV съезда за арбузом без косточек⁶.

Потом я долго соображал, не сделал ли ошибку. Вроде бы нет. Выбрал «свободу».

После съезда Цуканов⁷ переключил меня на экономику. Сложилась такая практика. В конце каждого года проводился пленум, который подводил итоги экономического года и рассматривал проект народно-хозяйственного плана на следующий год. За подготовку выступлений Брежнева отвечал Цуканов. И он свою старую команду стал переквалифицировать на экономистов. Так что пришлось мне засесть за книги. Но главное — знающие люди. Общение с ними помогало ориентироваться в экономических дебрях.

В 1976 году план на 1977 год и пятилетку рассматривали на октябрьском пленуме. Я еще ходил в подмастерьях.

Начало 1977 года заняли выступление Брежнева в Туле (городу присваивалось звание «Город-герой») и речь на XVI съезде профсоюзов.

Для подготовки выступления в Туле нам выделили дачу Ново-Огарево. По Рублевскому шоссе, сразу за Усово. На берегу Москвы-реки. Дача принадлежала КГБ. Долгое время там жил Подгорный. Потом решили использовать для текущих дел.

Профсоюзная речь делалась по старому адресу — Волыньское-2. Относительно профсоюзов нам был сообщен настрой Брежнева:

«роль профсоюзов не поднимать». Без пояснений. Возможно, профсоюзная бюрократия (ВЦСПС) пыталась раздвинуть рамки своей деятельности в ущерб бюрократии партийной. Возможно, шли какие-то сигналы о росте негативных настроений среди рабочих. Возможно, возникала мысль: а зачем нам вообще профсоюзы? Не знаю. Но мы, видимо, не справились с задачей, «недопустили», потому что последовал окрик Голикова⁸: «Доклад написан с троцкистских позиций».

А обсудить «позиции» с докладчиком не можем. Он укрылся на даче в Кунцеве. Прямой связи с ним нет. Только через Черненко.

Успокаивало, что таким он и был прочитан.

В связи с профсоюзным текстом была и такая интрига. Появлялись разные хорошие люди и слезно молили нас уговорить Брежнева освободить профсоюзы от главного профсоюзника, председателя ВЦСПС А. И. Шibaева. Уж больно сер, пуглив, несамостоятелен. Вроде Черненко, добавляли для ясности. Мы пытались помочь профсоюзам. Но не получилось. Может быть, как раз потому, что не хотелось роль поднимать?

Тем временем мозги переключались на экономику. По словам заведующего отделом плановых и финансовых органов ЦК КПСС Бориса Ивановича Гостева, «никогда еще не было так плохо в экономике, как в 1976 году». Реформа 1965 года («меры по...») была поглощена бюрократическим болотом. Нужны были новые «меры». В начале февраля Совет министров обсуждал проект постановления «О мерах по улучшению планирования народного хозяйства, стимулирования технического прогресса и повышения производительности труда». Заседание было бурным. Некоторые министры (Сергей Федорович Антонов, министр мясной и молочной промышленности, Петр Фаддеевич Ломакин, министр цветной металлургии, Анатолий Иванович Костоусов, министр станкостроительной и инструментальной промышленности) выступали резко, требовали перестать обманывать самих себя. Косыгин, как рассказывают, утопил все в общих фразах.

Начитался до одурения всяких бумаг из отделов ЦК, Госплана, министерств, институтов. Запись: «Общее ощущение: апатия, безразличие в “верхах”, боязнь “высунуться”, поставить проблему, обнаружить знание реального положения дел».

Звонил Андропов: «Бросьте там мудрить, не лезьте, ничего сейчас не получится».

Состоялся IV съезд Союза журналистов СССР. Торжественно и чинно. Из записок: «В докладе — ни одного имени. В президиуме — ни одного журналиста. В прениях — ни одной мысли.

Исключение — Р. Косолапов...* Полный отрыв речевого уровня от уровня делового».

Параллельно с профсоюзными делами я обрабатывал свой собственный участок. Пытался, как я уже рассказывал, разобраться в том, что происходит в Китае после Мао. И сообщить об этом читателям «Известий». Рахманин тормозил меня изо всех сил (да ничего там не происходит!). Вынужден был написать записку Александрову.

«Мне кажется, — писал я, — что посольские материалы, — насколько я их знаю, — неверно ориентируют руководство. Посольство явно недооценивает происходящие в Китае перемены и пытается создать впечатление, что там все или почти все остается по-старому. Думаю, что посол подстраивается к настроениям, которые пока берут верх в ЦК и КГБ.

На самом же деле в Китае уже начался и набирает темпы демонтаж маоистской политики. Своеобразие переходного момента: без Мао Цзэдуна еще нельзя, а вот без маоизма (в его “скачковом”, “культурно-революционном” смысле) уже можно.

Я сознательно опускаю детали и объяснения, сознательно упрощаю картину, чтобы яснее проступила главная мысль: Китай вступил в новую полосу своего развития. По-моему, нам важно это понять и вырваться из плена прошлых “анализов”.

И в заключение — мудрые слова Чернышевского: «Круг фактов еще не заключился, потому и мнение, из них выводимое, не имеет в себе ничего такого, что не могло бы измениться в будущем...»

Никто, кроме Рахманина, напрямую не возражал. Но и «добро» не давали. И потихонечку срезали даже подобие мыслей...

* Ричард Иванович Косолапов — доктор философских наук, несколько лет работал в отделе пропаганды ЦК КПСС. В то время, наверное, — главный редактор журнала «Коммунист». Перестройку решительно не принял. Гораздо радикальнее, зюганистее самого Зюганова. В мировоззренческом, идеологическом плане чем-то напоминает А. Зиновьева. Решил продолжить издание сочинений Сталина, остановившееся на 13-м томе. Издал в такой же коричневой обложке 14, 15 и 16-й тома.